

* Н * В * П *

Н О В А Я П О Э З И Я

МАРИНА

Тёмкина

НЕНАГЛЯДНЫЕ
ПОСОБИЯ

НОВОЕ
ЛИТЕРАТУРНОЕ
ОБОЗРЕНИЕ

249

Farrum Esy

CENTS

California

"America"

Марина Тёмкина
Ненаглядные
пособия (сборник)
Серия «Новая поэзия (Новое
литературное обозрение)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48438671

Ненаглядные пособия: Новое литературное обозрение; Москва; 2019

ISBN 978-5-4448-1317-1

Аннотация

Марина Тёмкина (р. 1948, Ленинград) закончила историческое отделение Ленинградского университета. Эмигрировала в 1978 году, живет в Нью-Йорке. Окончила аспирантуру Нью-Йоркского университета, работает психотерапевтом. В прошлом радиожурналист станций «Голос Америки» и «Свободная Европа», работала в разных организациях для беженцев и в проектах, связанных с Холокостом. Автор книг «Части часть» (1985), «В обратном направлении» (1989), «Каланча» (1995), «Canto Immigranto» (2005), на английском языке What Do You Want (2009) и др. Стихи публиковались во многих российских журналах и антологиях. Марина Тёмкина – поэт-художник, ее визуальные выставки проходили в Америке и в Европе.

Содержание

Радио Вавилон	8
Набор слов	14
Всякой твари...	21
«Много страхов съёжилось в моём теле...»	21
«Я хочу своё детское тело, как Гумберт хотел Лолиту...»	22
Маленькие трагедии	23
Uncle Vania	27
«L'enfance de l'art commence avec l'enfance...»	30
Перевод с польского: Чеслав Милош,	32
Приготовление	
Рассказ Мишеля: 12 декабря, 2007	34
«В Америке принято спрашивать: „Вы какой поэт?“...»	35
Четырнадцать строк	36
Мириам	37
«Я смотрю в зеркало и знаю, сколько мне лет...»	38
Выборы: 2009	39
«Меланхолия» Дюрера, 1514	40
Замок Chaumont: 20 октября, 2011	42
«Вот одно стихотворение...»	44
«Октябрь. Уж золотые гуси висят на	46

ветках...»	
Конференция	48
Памяти Д. А. Пригова: 26 ноября, 2010	50
Пять селфи	52
Памяти Олега Вулфа: 19 ноября, 2011	55
«В поезде напротив меня...»	56
Памяти Евгения Львовича Мороза	58
Батальные сцены: 2 ноября 2012	60
Новая мастерская: 3 сентября, 2013	61
«Мои стихи такие-то и такие...»	64
Судный день (Yom Kippur): 13 сентября, 2013	65
«Мой дед похоронен в Джанкое...»	67
Из отступившего тысячелетия	69
Перерыв	69
Отрывок из неопубликованной книги	72
Документальное	74
«Скелетик дерева растёт внутри листа...»	78
Девять речитативов для женского голоса	79
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Марина Тёмкина
Ненаглядные пособия

Радио Вавилон

Мы встретились впервые после какого-то вечера в московском клубе «Проект ОГИ», которого больше не существует, и пошли в другое кафе, и Марина спросила практически первым делом: вы понимаете, что в стране идёт война, что Россия ведёт войну? Мы с товарищами (среди которых были Линор Горалик и Станислав Львовский) ответили: разумеется, понимаем. Тут эта красивая, яркая взрослая женщина выдохнула и начала разговор по существу профессии. Речь шла о Второй чеченской войне, затяжной, как хроническая болезнь; для большинства сограждан этот фон, на котором столичный гламур побеждал и добро, и зло, был неразличимым, как белый шум. Всё стало яснее в августе 2008 года, в русско-грузинском конфликте, который обнаружил намерения государства подчинять сопредельные страны, как свои колонии (это представление стало шире распространяться после начала русско-украинской войны, но до сих пор не является отрефлексируемым широкими народными массами). Существо профессии состояло для Марины в том, что политическое должно читаться пишущим субъектом как личное, а современная история так же важна, как иудейские войны и Вторая мировая.

Хотелось бы сделать пару замечаний из личной (политической) истории современной поэзии. Следует признаться,

что до сборника «Canto Immigranto» я не имела представления о Марине, впрочем, как и о Борисе Херсонском до «Семейного альбома». Обе книги вышли в «НЛО» примерно в один издательский цикл (2005–2006 годы), в серии «Поэзия русской диаспоры». Почти одновременно в России начинает формироваться уже не «новая искренность», а новый документализм, и книги Херсонского и Тёмкиной стали важным чтением и ориентиром для младших поэтов, работающих на этом поле. Важным инструментом обоих старших авторов является их бэкграунд психологов, методология, которая позволяет создавать аналитическую поэзию как рациональный текст. Письмо Марины – это постконцептуальная ветка, неслучайно Тёмкина отсылает нас к Пригову и московскому концептуализму, и это поэтика, близкая к американскому образцу XX века, одновременно интеллектуально родственная немецкой «политике памяти». В её почти прозаической интонации главное – не лирическое Я, а объективация субъекта и оперируемого им материала. Поэзия тут делается ритмическими ходами, воздухом пауз, навязчивыми повторениями и перечислениями, которые вводят читающего в транс. Плотность информации, каталогизация реальности, что в романтической традиции исключалось из «поэтического», создаёт новое качество высказывания. Порой у российских коллег по цеху возникал вопрос, поэзия ли это. Да, это поэзия, и весьма убедительная.

Марина вообще делает, что хочет, в искусстве и в жиз-

ни – в этом смысле она моя ролевая модель. Я считаю, что она намного опередила своё время и его эстетику, вероятно, благодаря ранней эмиграции и открытости западным демократическим нормативам. Она последовательная и убеждённая феминистка, стала ею задолго до интенции нового поколения молодых русских авторок декларировать и утверждать права женщин (здесь я хотела бы передать эстафету разговора о текстах Марины Тёмкиной Оксане Васякиной, например). Она долгие годы была литературным секретарём Бродского, о чём было бы невозможно догадаться по её стихам, узнаём мы об этом только из интервью и по инициативе вопрошающих. То есть пиар на этом эпизоде её биографии необязателен, она уклоняется от этих спекуляций, и это крайне привлекательная для меня позиция. Она человек гражданского и антивоенного сознания, специалист, который работает с угнетёнными стратами общества, иммигрантами и переселенцами, – эта сфера только в последние восемь лет стала трендом демократической части России, после начала волонтёрских кампаний, белоленточного движения и антивоенных инициатив (начиная с 2014 года). Её последовательная работа с семейной памятью может быть прочитана как основание нынешнего мощнейшего интереса к книге Марии Степановой «Памяти Памяти». Ты никуда не уйдёшь от призраков, покуда не встретишься с ними лицом к лицу, пока не рассмотришь их брошки, рубашки и частные письма; пока не увидишь всё поле политической исто-

рии XX века и судьбу европейского еврейства в нём. Марина пишет о травме истории много лет, последовательно и почти навязчиво. Она человек большой европейской культуры, здесь её отсылки к Целану, Рембо и античности, но эти референции работают как автобиографический текст, и так же работают пересказы европейского кино как личного переживания. Её способ мыслить и излагать в собственном культурном проекте близок к тому, как Фассбиндер вскрывал своё личное/политическое в «Берлин, Александерплац». Наконец, Марина даёт себе роскошь быть частным человеком, который подробно рассматривает и проживает свою биографию, не заботясь о ярмарке литературного тщеславия. Этот частный человек разговаривает с Галиной Старовойтовой, с пациентами, с тенями. Она получает удовольствие от путешествий, от уколов непонимания, от слёз, вызванных появлением в её бессознательном фигуры матери, которая критикует дочь за первую выставку; то есть она очень взрослый человек, который много чего понимает о жизни и о том, из чего эта жизнь состоит (счастье тут далеко не первая категория). Важно, что Марина живёт в Америке, видит изнутри её политическую метафизику, и много бывает в Европе и России. Важно, что её партнёр – французский художник, и она рассказывает о его детских травмах послевоенного времени. Русским, если они осмысляют себя как часть общеевропейского послевоенного контекста, это хорошо бы знать: наши травмы не самые травматические, они часть истории Евро-

пы XX века.

Марина довольно много говорит о европейских и русских культурных героях, это всегда деконструкция. Книга читается как документальный поэтический дневник, где появляются (без дополнительной мотивировки) фигуры, мужские или женские, которые по внутренним причинам оказались важны для автора и чем-то её задели. Мой любимый фрагмент – почти монструозное по объёму материала описание жития Льва Толстого и Софьи Андреевны в современной феминистской оптике. Это и горько, и смешно, и важно для молодых мужчин и женщин в России, которые сегодня участвуют в спорах о гендерном насилии.

Они подключают свои хребты к чёрному Радио Вавилон, писал когда-то Жадан о своих персонажах, люмпенах и проходимцах на задворках Европы. Этим людям по утрам нужно подключаться к мировому смещению языков, которое создаёт в их рассеянных умах определённый порядок. Когда я читаю тексты Марины, то чувствую себя шулером из стихотворения: разум его выстраивается разными радиоголосами, мужскими и женскими, их перебивает музыка. Я отчасти хорошо понимаю, отчасти по-своему интерпретирую то, что все они вместе хотели бы мне сказать.

Елена Фанайлова

...книга появляется на пересечении трёх осей...

1) конструктивно-манипулятивный принцип, представляющий собой простое перелистывание,

перебирание страниц;

2) *визуально-графический, оформляющий страницу как ноуменальную единицу, некий стоп-кадр;*

3) *текстуально-мета-книжный, снимающий вопрос о книге как материальном объекте.*

Д. А. Пригов. Книга как способ нечитания

Набор слов

«потому что куча бумаг пропала»
замусолено, завозюкано, намазюкано

явочным порядком
напортачили, нагородили непролазного
послевоенный мир ноющей раны
отрядили с сопроводилкой
с хренком

«отсутствие зла не есть присутствие добра»
в обстановке семейного уюта

хлорная известь, пух и перо, перо и пух

«это все у него наносное»
аэропорт – греческий театр новых трагедий,
античность зрелищ террористических актов по ТВ
страшно вырастает разлука, заслоняя горизонт
ничегошеньки больше не просишь

устройство его отдельной части вообще: ухо
соната для мужского и женского голоса
единица: поэточеловек, человекопоэт, поэтому

гангрена
на молекулярном уровне
что означает лядащая?

была б я уличной воровкой / иль проституткою с угла
уж больно распростецкий, как сексот

сопряжено с потерей голоса

дитенька моя

мартынушка

невозмутимая детская сосредоточенная недоверчивость

закат как червивое яблочко

турбаза, наваждение

говорящий ясно

оловянного жуткого цвета

оживление биомеханических качеств

прополка, проработка, разнос

щавелевая кисленькая влажность

ибо пишет не для тех юнцов, которыми были, но

для тех взрослых, которыми стали

тянет лямку небесная механика Ньютона

зубчатая передача, придуманная Леонардо в Амбуазе

щепетильность, взыскательность, вескость

«своевольница какая»

с хохотком несчастья обрывок речи

грассирует, как будто это кратчайший путь в Париж

членовредительство, уживающееся с чистоплюйством

мотовка: не ладили

последыш

плацкарта дальнего следования

бытует такое выражение

читается туго, словесная ткань непроходима

происходящий слог

поломка

выходные данные, библиография, сноски
переходящее в прозу
приставная лестница
по буквам
узлы словосочетаний
искромётный, конфузливый, неказистый
в слюдяном вологодском резном окошке
смерть стыднее греха: открывая глаза
видишь себя с кем-то

порядком струхнул из-за недоукомплектованности
на попечение
фефёла, фифа, флакон «Красная Москва»
мемуарный характер зазубрин
доводка
излучина реки: теплокровное, меховое
отшелушивать, раскурочивать, отрубаться
вхолостую
потерявшего шарм ловеласа
раскрашенный анилином
спровадил, сварганил, урезонил, стушевался
двусложных и трёхсложных внушений
предписание: всё вытравлять за появлением
то ли выдача армии пленных в маскхалатах
гуси-лебеди, утки-аисты
как облупленных
всё – неправильно!
заручились поддержкой залучить в гости
подмывает округлить и оторваться

умерла от избытка любви
самоутверждаться за чужой счет
ревнитель, радетель, каратель, взыскатель
попустительствуют
касатик тянь-шаньский – луговой цветок
разбойник с большой дороги
в перечне, в реестре, в дубликате
ей было неприятно слушать и вообще присутствовать
ветер вдумчиво дует с запада
смятение, стеснение
не гнушался никакой работы и вышел в люди
сошлись в условиях
гудок

лакейски, подобострастно,
слаженно, энергично
на пергаменте полуустановом
пасечник, москательщик, утильщик
«скобяные товары в низочке»
всеядность
от нашего постоянного корреспондента
мухи, дневные и ночные мотыльки, оводы,
осы, шершни, рыжие и чёрные муравьи, гусеницы,
кузнечики, стрекозы, бабочки, светлячки, комары
словно экспонаты кататонии
всё на потом разговор оставляла
создавать из нас себе сторонников

вялость, рыхлость, провинциальность, тягомотина

«из земли не растёт»

тайновидение, тайнослышание

панический предварительный страх

также как не знать правила орфографии

пыжится, вон из себя лезет

заскорузлость, постное, захолустное

паутина условностей

венчик, метёлка камыша, щипковые инструменты

с двумя горбами Пульчинелла, офеня, скоморохи,

балаган, Петрушка, клоунша, шутиха,

бродяжка, буффонша, Полишинель

древко, фестоны, венчик, набалдашник,

оглобля, шпингалеты, щетина, щёточка

губчатые берега, соляные копи, каменоломня

сетчатость, звёздчатость, чешуйчатость,, трубчатость

машина восприятия

«картина отечественной литературы существенно

коренным образом изменилась за последнюю четверть

века»

это всё не должно быть такое

мельница осуществляет полнолуние

стихи плохие и лучше

справедливости ради

наутро действительно всё другое

не представляемому более ни укладу и быту, ни обиходу

человеческих отношений

пасует перед другим

отзвуки канонады докатились до канцелярии
пушкинская гадливость по поводу «нравственной
декламации»

экспрессионизм: толпа деревьев, заламывая руки,
поведением которых недоволен ветер,
деревянные глухонемые жесты роши

стиранные стишонки

иное в языковом воплощении

золотистая пенка голубого кипения

охранительные клапаны

не возбраняется

телам деревьев не тесно

спелись, допекло, закаялся

несозвучно

на высоте положения неожиданно-негаданно

вполуха

чтоб эту ласку разрешили

неразговорчивое поколение

вышла высочайшая воля об отпуске

бесчинствуют

так и подмывает

любовь как фотопроявитель

спровадили

сдавая их, гремит ключами: дело его жизни идёт прахом

шугануть

картография, планиметрия, межа

форзацы голубого шёлка, шмуцтитутлы, фолианты

акварели Ухтомского, Садовникова, Музеум Книги

и Письма занимательной повести
заковыристо, с кренделями
до белого каления
ветер оставил музыкальный сварливый автограф
литейка, кувалда, пресс, маховик
кино: по Нью-Йорку идёт в узбекском халате
в еврейскую контору для русских иммигрантов
в Чайнатауне среди китайцев

другое кино: двести лет разрушения Бастилии
Париж танцует, Дунайские волны, о, голубка моя,
ой-ёй-ёй-ёй, что за девчонка
рисовка, окаянство, мостки, веретено
скарб, накопленный годами
морозоустойчивость
беспорядочными движениями снимает
облачные сливки с верхушек
сладенькие прогулочки
вязкий состав синего наполнителя
упоительной эластичности
Вавилонское письмо
почтовым голубем

1989

Всякой твари...

Я жил пока не умер...

Леонид Аронзон

«Много страхов съёжилось в моём теле...»

Много страхов съёжилось в моём теле:
новорождённый, ленинградский, еврейский,
детский, женский, что залечиваю, блокадный,
подростковый, тоталитарный, эмигрантский,
но больше всего маминых страхов, страха войны,
бедности, старости, умиранья.

Лучше б вложили в тело любовь, заботу, ласку,
навык к плезирам и умение, отдавая,
для себя получать что-то вдобавок к чувству,
что тебя любят только когда ты нужен.

2004

«Я хочу своё детское тело, как Гумберт хотел Лолиту...»

Я хочу своё детское тело, как Гумберт хотел Лолиту,
Завёрнутое в полотенце морское с ветром, золотое,
не имеющее размера, только форму волны и лета,
разбежавшееся, переплывая озеро у пенёчка
с апрельскими тезисами, прогуляв школу, зарывшись
в ямку в песке на заливе, прыгнувшее бы легко со сцены
в зал и по волнам-долам, по рядам ещё до того, как
узнала,

что под асфальтом сплошные пляжи от Сены до
Прибалтики.

Вот, вы подумали бы, девочка на коньках, на олимпиаде
делает мостик с лентой в руках, твистует на каблуках,
в тамбуре у открытой двери поезда, подставив лицо
дождю.

Я и теперь не скучно живу, совершенно не скучно живу.

сентябрь, 2004

Маленькие трагедии

1.

Баран на моей голове.

«Продаём баранчика...» – слова отца в уме.

Не барашка, мутон-каракуль, местный диалект,
русско-еврейский суффикс. Вишу вниз головой,
пою счастливое «бее» и «му». Муточкой зовёт
и скоро умрёт. Мама варит компот из ягод. Укус осы.
Распухший большой палец на трёхлетней руке.

2.

У лукоморья дуб зелёный, – читает мама наизусть.

Я понимаю лук, а морье – возможно, взморье.

Соседский дедушка зовёт: «Борья, выйди из морья», —

он песнь заводит и местечково так поёт,

а кот скребётся, но не тот, что в сапогах,

тот днём и ночью кот учёный, он ходит по цепи кругом.

Здесь ударение споткнётся, и кошку мама отпихнёт,

когда из кухни суп несёт, её погладить не даёт.

«Как коммунальное животное тощё и путается
под ногами!» – и сердится, что Пушкина не понимаю.

2007

3. 1-ое мая, 2010

Тень садовая держит меня на ручках.
В ванной ныряет кролик.
Рассада для грядки, не помню что,
в тазу у дорожки.
Попугай слышит радио в доме,
произносит слова,
только картавит больше.
В фонтане пльвёт вода
зелёная на зелёном.
Серый волк стережёт границ
наших родин.
У крыльца мама в летнем платье
шепчется с тётей Олей.
Качели мокрые после дождя. Жду.
– Чего тебе надобно, дедка?

4. 16 июля, 2010

Сказала «трикотаж», советуя, какую рубашку надеть.
Теперь звучит как название кафе или ресторана,
ещё лучше «Трико» или «Мантель». Смысл переехал,
и я тоже. Ночью, засыпая, вспомнила ещё какое-то
хорошее
старое слово, вышедшее из обихода, как тужурка,
телогрейка,
муфта, бурки, из детства, мамино, стыдно-приятное,
как будто меня приласкали, чего никогда не случилось.
Думала, это слово никогда не забуду,

утром не могла вспомнить.

5.

Метафоры падают с неба, как раньше звёзды,
с дождём, со снегом и градом, солнечными ресничками,
пар поднимается над водой белым рискóм, известняком,
песком.

Я сплю и расту во сне, и всё со мной растёт,
трава, деревья, буквы увеличиваются в размере на
билборде,
слово, как дыр бул Кручёных, как та пощёчина,
сразу в космос целится с чёрными дырами, не отразится.

Хотели покрасить красным Северный полюс, это
красиво,
сделали водородную бомбу. Логика садиста: это
для твоей же пользы, глупая, для твоей защиты.

С автоматом автопилотом в механическом планетарии,
а ты себе спи и расти, повернись на другой бок
и не думай о том, что снится. Спи, и лучше не
просыпаться,
не обсуждать, что видишь, интерпретировать можно
по-разному.

В метафорах нет конфликта, слово не надо кормить едой
в библиотеках, в музеях, в тюрьмах порядка и хаоса,
в облаках, в хранилищах, где река Амазон.com.

6.

Пуленк написал концерт
для органа в тридцать восьмом
году, не самом лучшем.
Исполняли разные дирижёры,
одна из них Надя Буланже.
На первом исполнении
у органиста случился инфаркт,
упал грудью на клавиши и умер,
долго звучала нота ми. Не понимаю,
зачем мне это знать?..

Uncle Vania

...родственники убивают надежней киллера...

А. Кабанов

«Дядя Ваня» в исполнении Лондонского театра. Культурный шок. Семья. Отъехавшая мамаша-шестидесятница с палкой, всю жизнь читает политические брошюры, Плеханов, Кропоткин, мыслители! считает сына полным ничтожеством. С этого все начинается. Живут под одной крышей. Сын её терпит, кормит, никогда не вел самостоятельной жизни, воспитанная зависимость и чувство долга: вечно в долгу. Не покладая рук работает вместе с племянницей Соней, дочерью его покойной сестры, управляет семейным имением, занимаясь с утра до ночи крестьянским трудом.

Экономя на всем, могут свести концы с концами. Даже удается поддерживать бывшего мужа покойной сестры, отца Сони, профессора петербургского университета. Он семейная гордость, большой ученый, мировая знаменитость. И еще кормят приживала Телегина, жалеют его, разорился, жена сбежала с немцем, у немцев все гораздо лучше и прогрессивнее, считает, что сам виноват, один вырастил детей, почти член семьи.

Зимой под керосиновой лампой дядя Ваня с племянницей Соней читают иностранные журналы, делают выписки для профессора, помогают его трудам на благо человечества. Он талант, а они обыкновенные мелкие люди.

Их сосед доктор Астров спасает леса, делает губернские карты лесных зон, размышляет о будущем на тысячелетье вперед, сажает деревья, лечит крестьян и возмущается ими, мол, дики, грязны, невежественны и вырубают лес, чтобы топить печи. Соня в него по уши.

Ее папаша-профессор выходит в отставку, перебирается на жительство в имение покойной жены со второй женой, лет на тридцать его моложе, выпускницей консерватории, которой он не позволяет заниматься – музыка мешает его занятиям во имя великих целей науки. Столичная штучка, курит, платя по моде, украшения, вызывающая походка, смелость. Ваня и Астров втюриваются в нее с ходу.

Профессор пишет исключительно по ночам, поднимает среди ночи старушку-прислугу, чтоб подавала чай, всех будит. Все выбиты из нормального расписания, никто больше не может встать рано и не в состоянии ничего делать, сельская работа стоит. Даже доктор медлит ехать принимать роды, трижды за ним присылают. Все домочадцы и гости разочаровываются в светиле – посвятили жизнь великому человеку, оказался невыносимым пустозвоном.

Все много пьют, включая молодую супругу ученого мужа, и никто, хотя все влюблены, ни с кем не спит, главное — благо человечества и никаких тебе удовольствий.

Профессор додумался: продать имение жены-покойницы и уехать обратно в Питер от этих провинциалов с их служением прогрессу, коего он и есть представитель, они ему всем обязаны. А им тогда где жить?

семья по миру пойдет, об этом знаменитость не подумала. Да имение-то принадлежит не ему, а дочери его Соне и брату жены покойной, Ване. Они в этом доме живут с рождения с сумасшедшей старухой, сеют-пашут, варят варенье, читают книжки. Бабка тоже ставит интересы научного прогресса выше мелких своих, стучит клюкой, чтобы все слушались профессора, он умный, а вы все идиоты.

Ваня стреляет в профессора, причем дважды и оба раза промахивается. И никто не идет в полицию. Прямо русская революция в семейном масштабе. Цитаты в их речи из Шопенгауэра, Достоевского, Ницше. Уже Фрейд, а у них небо в алмазах.

«L'enfance de l'art commence avec l'enfance...»

*L'enfance de l'art commence avec l'enfance.*¹

Детство началось с войны.

Война началась с оккупации, пропажи необходимого, введения карточек. Безопасность и нормальность исчезли.

Выживание не позволяет любить ребёнка.

Выживание, оно не о том, чтобы брать его на руки и кормить.

Война, она не о том, чтобы понимать нужды детей.

Война не занимается признанием детских способностей и талантов, ни тем, чтобы он был в центре внимания, чтобы уделять ему время, чтобы он мог расти счастливым,

уверенным в себе, состоявшимся.

Война сделала его пугливым, ранимым и одиноким.

Она сделала его потерянным, неловким и нервным.

Он не доверял миру, только своему другу из комиксов

Литтл Немо.

Когда их освободили, он научился радоваться. Раны войны

затягивались в процессе социально принятого занятия

---

¹ *Детство искусства начинается с детства (фр.).*

рисованием.

Искусство становится его игрой и призванием. Его гневу ещё предстоит проявиться, он выйдет наружу по мере роста,

личного и творческого. Обозлившись на всех и вся, подростком он покидает дом. Конфронтация продолжается

со студенческими событиями 1968-го.

Он изобретает колесо и ездит по новым местам.

Он ощущает себя свободным от любви-ненависти к родной культуре. Он учится ощущать свой внутренний мир.

Он перестаёт чувствовать себя маргиналом. Он обретает независимость. Он участвует в глобальном изменении мира.

Он трогает моё сердце. Эти двадцать пять строчек есть моя антивоенная пропаганда.

Автоперевод текста-инсталляции на выставке Мишеля Жерара в Музее современного искусства, Ницца, лето 2008.

Перевод с польского: Чеслав Милош, Приготовление

Вот ещё один год, когда я не был готов,
но завтра, самое позднее, начну большую книгу,
где век мой предстанет, каким он в реальности был.
Солнце в нём всходило над праведниками и ублюдками,
вёсны и осени в свой черёд возвращались,
дрозд лепил гнездо из глины в чаще,
и лисы учились лисьим своим повадкам.
Таково содержание, каркас книги. Армии в ней
пересекают зелёное поле, вслух на ходу матерясь
многогласно и проклиная; дуло танка огромно
вырастает из-за поворота улицы; начинается акция
погрома
в лагерной тьме, под вышками за колючей проволокой.
Нет, не завтра. Не раньше, чем лет через пять или десять.
Мозг не в состоянии уразуметь, в голове не укладывается
мысль
о матерях, и возникает вопрос, что есть человек,
рождённый женщиной. Вот он пригнулся, прикрыв
голову,
пинаемый коваными сапогами, бежит под огнём,
горит ярким пламенем, свален бульдозером в глинистый
ров.
Её дитя. С плюшевым мишкой в обнимку,

зачатый в наслажденьи. Я ещё не могу
говорить об этом, как принято, спокойно.

Рассказ Мишеля: 12 декабря, 2007

«Бёклин, – он только что прочитал и пересказывает, — написал пять вариантов „Острова мёртвых“.

Время, когда везде репродуцируют „Звон колокола“ Милле, но он приелся, и расторопный маршан решил растиражировать „Остров мёртвых“. Выпустил гравюры, фотографии, календари, открытки, шкатулки, всякий ширпотреб».

Слушаю, размышляя, почему образ смерти начал тогда привлекать человечество, ипохондриков, символистов, туберкулёзных больных, декадентов, садистов. Фрейд писал, что Бёклин, как греки, пользовался образами мужчины-женщины-зверя. Много позже Макс Эрнст напишет зверя с женским торсом, и Андре Бретон его купит.

Ленин в гостиничном номере в Цюрихе сочиняет перманентную революцию, на стене «Остров мёртвых». Надежда Константиновна, супруга вождя, записывает в дневнике: «Он неотрывно смотрит в лицо зверя, это меня пугает». Гитлер восхищался Бёклином, купил оригинал на аукционе. В 39-м, когда Молотов подписывает пакт о ненападении в кабинете фюрера, на стене, судя по фотографии, висит «Остров мёртвых». Копия в городском музее в Берлине. Остров мёртвых.

«В Америке принято спрашивать: „Вы какой поэт?“...»

В Америке принято спрашивать: «Вы какой поэт?»

В 80-ые можно было услышать от вполне приличных людей

с образованием: «Я поэт-сюрреалист».

От неожиданности я не могла удержаться от смеха.

Они обижались: «Это не шутка, это серьёзно».

Как если бы мы сказали, что мы латинские поэты, или акмеисты, или поэты-метафизики.

Сначала я думала, что они действительно без комплексов старых культур, потом поняла, что у них другие правила игры,

но долго не умела ответить, какой я поэт. Теперь запросто отвечаю, что я поэт политический, постсоветский, эмигрантский, русско-еврейский, феминистский, испытавший влияния футуризма, афроамериканской поэзии

и Нью-Йоркской конкретной школы 60-х.

2008

Автоперевод

Четырнадцать строк

Я пыталась переводить сонеты Шекспира,
что непросто даже с моим медиевистским прошлым,
и зачем эти две всегда лишние строчки. Отец был мэром,
устраивал жильё бродячим актёрам, а перчатки тогда
не носили простолоудины. В школе – кстати, она
в сохранности, —
учили латыни, протестантизму и как держать свой зад
непобитым. Разыгрывали зрелища Рима, Плавт,
Теренций,
благочестивые их злодеи морализировали, как
скоморохи.
Его молодые наставники стали учёными мужьями.
Доска, по которой учили алфавит и Патерностер,
сторонясь католичества по полит.причинам.
Так станешь умным, начнёшь писать шифровки
из мешанины слов исторических с опасностью времени.
Остановилась на пятом сонете, талант переводчика мне
не достался.

Мириам

Когда я вышла из Египта,
меня тогда иначе звали, но брат меня не замечал.
Хотя уже понятно было, особенно когда в пустыне
(распространяются пустыни, в них до сих пор
немноголюдно),
вода и значит выживание, что очевиднее сейчас.
Его дела всегда важнее. Народ, законы, уложения,
свиданья с самой высшей силой и для
наглядности – чудес
прямой показ. Боренье с идолами женщин, с детьми,
возжаждавшими млека, орущими по-арамейски
и мёда позабывши вкус. Его совсем другое детство,
и он не понял, он не внял, он ощущал с трудом другого,
он и в себе-то разобраться не понимал совсем зачем.
Он речь держал перед народом, но говоренье в пустоту
и монологи монотонны, косноязычны и напрасны.
Та люлька, на воде корзинка, он плавал в ней всю жизнь
по рекам. Моря, пороги, водосбросы, волны качанье,
убаюки.

«Я смотрю в зеркало и знаю, сколько мне лет...»

Я смотрю в зеркало и знаю, сколько мне лет.

Себе пеняю, не маленькая и пока живая,
и цифра большая, не до мяуканья, кваканья, кукареку.

Ищешь примеры для подражания, косишь глаз
на патриархов шестидесятых, они на кладбищах,
на больничных койках, оформили пенсию,
инвалидность.

Семидесятники со следами выпитого на их лиц пугают
девиц.

Восьмидесятые только выросли и пали-пропали,
взросло поколение, которое мы не произвели,
класс неимущих, святых, песенки их, птенцов молодых.

Выборы: 2009

Вхожу в кафе. Семеро мужчин по лавкам.
Двое с компьютерными книжками
по разным углам. Один фотограф
в чёрной кожаной куртке
с двумя цифровыми камерами, сразу завидую,
снимает чью-то спину и жёлтый шарф.
Человек почувствовал, обернулся, лицо азиата.
Юноша в меховой ушанке рядом со мной
оказывается девочкой с сотовым телефоном,
обсуждает счёт от дантиста с представителем
медицинской страховки. Няня кормит
трёхлетнего человека яблочным пюре из банки,
он ест, и видно, что эти двое действительно
любят друг друга. Немолодой гей вяжет на спицах
что-то сложное, тёмно-зелёное и голубое.
Так мы живём в Нью-Йорке. Ничего особенного,
как все. Читаю первую книжку Обамы.
Две недели до инаугурации.

«Меланхолия» Дюрера, 1514

Пила, линейка, гвозди, молоток.

Песочные часы, весы, рубанок, чернильница.

Склонился ангел над точильным камнем.

Каменная пирамидка с письменами.

Лестница-стремянка. Настенный колокол.

Табличка с цифрами и кружка около кувшина на столе.

В просвете видно море, маяк и город с радугой над ним.

В полёте мышь летучая растягивает перепонки лапок.

Часы. И непонятно, зачем мне эта опись, список

предметов в мастерской алхимика, словно инвентаризация.

На маленькой гравюре читаем «Меланхолия I»,

римской цифрой. Депрессия по-нашему, боюсь,

уже не первая его. Магические символы, словарь,

мечта о превращенье одних веществ в другие,

концептуальные начала. И почему здесь женщина

с распущенными волосами, в веночке, в домашнем

ренессансном платье, с крыльями орла и с циркулем в руках?

Опершись на руку, пытается постигнуть сих наук,

найти решенье, раз без неё не обошёлся, позвал

в своё сакральное пространство. Её присутствие

ему необходимо, оно целебно, по-нашему терапевтично.

Возможно, уповает, что ангельские крылья

от чёрной меланхолии спасут.

Её зовут Агнес, она его жена.

10 сентября, 2010

Замок Chaumont: 20 октября, 2011

1.

Здесь живёт Айвон, гид, он водит экскурсии.
Француз, его предки с Украины.
Он мистик, астролог, архивист,
историк, занимался Нострадамусом,
эрудит во многих областях. В один прекрасный день
он вёл группу, и кто-то задал ему вопрос.
Айвон ответил: «О, мадам, вы Скорпион».
Ей стало неприятно. Муж попытался её защитить:
«Это к делу не относится, месье, занимайтесь группой
и ответьте на вопрос». – «А вы, месье, вы Овен».
Супруги испугались и ушли.

2.

Айвона представили новому садовому дизайнеру,
он приглашён для перепланировки сада при замке.
«Я слышал, вы собираетесь срубить это дерево».
– «Мм... а вы кто?» – «Это дерево центр сада, его сердце.
Если сердце вынуть, сад помрёт». Дизайнер решил,
что перед ним безумец, и сказал: «Занимайтесь своим
делом,
а я займусь своим». И срубил дерево, и вскоре умер
от сердечного приступа в парижском метро.

Автоперевод

«Вот одно стихотворение...»

Вот одно стихотворение,
вот окошко в некий град, крюк и скрип, и отворение,
там узнаешь, брат и сват, и спасенье от цитат.
Вот башкою притулилась в подзаоблачный косяк
от плезиров рифмованья, мук рожденья и муки
сдобно-нежной из руки материнского кормленья,
белых прялок, серых прядок грубой шерсти,
ниток колкие мотки, пудры-мудры кукованья,
крапин знания и дознанья, и царапин от догадок,
что к чему вело непрямо, воссоединяя связь.
Незаметно вознеслась.

Стих от вора-заговора, от икотки-заиканья,
от охотки на варенье, на солёное, на зелье
в бутылке с ребёнка ростом, на домашнее зверьё.
Бегство внутрь и тихо-тихо, пенье-зренье, створ-затвор.
Незаметно продолжаясь, можно долго продержаться,
можно с буквой ерь и ять безмятежно постоять
просто рядом, как любовь, чтобы жизнь не замечать.
Стихнет звук, мяукнет время, звяк цепи пустопорожний
об колодезно ведро, то ли это просто ложка
об стаканное стекло, то ль зубок молочный снежный,
жизнь с конца живёшь сначала. Откровений полон рот.
Стих стишку стишонок шьёт.

Октябрь 2012

«Октябрь. Уж золотые гуси висят на ветках...»

Октябрь. Уж золотые гуси висят на ветках,
чешуйки рыбок краснопёрых и листья рябушек-
пеструшек.

Тепло, как в физике, и теплота-величина не ждёт весны.
Я поддаюсь чему-то слабо, сожмурю глаз и в объективе
увиджу вспышку солнцевода и заводных его игрушек.

Мы неодеты-голоноги, и за углом углы углами
врезаются стеклом друг в друга и в марафон перебегающий
через дорогу ног прохожих. По-летнему отъезды-сборы,
бобины, кадры старой плёнки, мельк новостных
телесобытий

и фестивали трудодней. Случайные пересеканья
и цирковые выкрутасы рекламы в Сёти.

Детство Люверс

моё-твоеё и модернизма не отличается ничем,
его всё те же составные, пальто навыворот, платье в гости,
перебирание нотной гречки. Её рассыпчатый продел
течёт за ворот, вот и манна, бросают соль на тротуар.

На башне с флагом полинялым железных вывесок
пустыня

толкает буквы сапогом, и мокрые скамьи Тавриги,

прости, что вспомнилось.

Буддийская святыня печки, и кафель, вафельный алтарь,

сияет створками латуни начищенной. И скоро
мы её разрушим, разрушим сами, мне шестнадцать,
не знаю, как сопротивляться, чтобы потом не сожалеть.
В подъезде нас встречает цифра, царапки мозаичной
даты,
год тыща девятьсот четвёртый, год ноль четыре,
раз-два-пять, потом вы знаете, что будет,
почти что ничего не будет хорошего, но выйдет зайчик.

Конференция

Сию в старом зале в углу, пришла слушать
круглый стол под названием «Биология души».

Участники-знаменитости: нейрохирург, психоаналитик,
писатель-биолог, женщина-священник и единственная
среди них афроамериканка доктор теологических наук.
В зале разные люди, интеллектуальный Нью-Йорк,
кто есть кто – непонятно, или смотря с какого угла
смотреть.

Если душа есть физическое тело, которое можно
почувствовать

во время клинической смерти, это, говорят, совсем не
значит,

что Бог есть. Если есть такое место в теле или в мозгу,
где всё собирается в точку, в комочек дышащий, в дух
и в пух,

что с тобой отлетает, или его не бывает, тогда и не
отлетает,

то, они рассуждают, это тоже не означает, что Он есть.

Но если есть душа, то куда же ей отлетать, если не к Нему.
Запутавшись в аргументах, я перестала слушать.

У пьяного душа влажна, считает Гераклит,

и чем она влажнее, тем менее разумна,

а коль душа суха, то светится, блестит, на многое
способна.

А если душа эфирное тело в нашем физическом теле,
то кто она этому телу – враг или друг?

Тут раздаётся душераздирающий мяук,
в аудитории мистический испуг, в окно впрыгнул цап-
царап

с розовым нёбом, сел и слушает, как будто чья-то душа.
Прыжком балетным тренированным, как «Весна
священная»,
она красна, Стравинский бушует, в мозгу жара, это
просто кот.

Тут же защитная реакция, будущие осадки
уже готовятся к холодам, к сентябрю-декабрю.
Сижу-представляю, выпадет дождик, снег, град со льдом,
приступ паники обнаружится в горле комком,
в пятку уйдёт душа в страхе, что нет никого никогда
нигде,
кто душу воспримет в последней беде,
и некуда возноситься воображением за ту черту,
где разрешения ни у кого не спрошу,
просто умру, умру.

Памяти Д. А. Пригова: 26 ноября, 2010

1.

Дужка очков отвалилась, выпал винтик.
Это случилось на службе.
Стало невозможно работать,
то есть с людьми – да, а с бумагами нет,
не записать. Стало значительно легче
и значительно труднее.

2. *Челси*

Когда было больше деревьев,
когда был чище воздух,
когда я жила в районе,
где было меньше туристов,
я ходила пешком, можно сказать, гуляла.
Хорошо куда-нибудь уехать,
хорошо откуда-то вернуться.

3.

Биологически и ритмически
женское тело живёт не так, как мужское, пока живое,
хотя часто подвержено тем же напастям и невзгодам.
Я проживаю несколько жизней бессобытийных,
частным лицом, пальтом, туфлём, кошельком.
И если уеду, то не насовсем, как ты,
просто в соседний штат Коннектикут,

где попадёшь пальцем в небо, в его предел-беспредел,
в городок, где производили Винчестеры и перестали,
фабрики встали, они пусты, стёкла в окнах, в основном,
целы.

Висят объявления, куда приходить на собрания
анонимных алкоголиков, анонимных наркоманов.

Известно куда, в божий храм, туда пригласят не на суд,
на благотворительный суп. Ты, родная мне немчура,
хотел возвращаться на родину, не замечая, что вернулся,
чтобы не было разницы между нашей и другими
странами.

Что б ты сказал об этом городе, что лучше жить на
родине,
пока можно ездить?

Пять селфи

1. 29 апреля, 2011

В щавелевом глазу мокрый антрацит,
лунный камень, серебро фольги,
электрический свет, жёлтые снопы,
сено-солома, меня легко погубить.
Хотела сказать «полюбить»,
но вышло правильно, оговорки считаются.
Заставь пятилетнего клаустрофоба
войти в цементную трубу на ул. Красной Связи,
брось его, агорафоба, на горé ночью в темноте
в калифорнийском парке,
что вполне могло случиться,
и всё, и неизвестно что...

2. Офелия: 14 февраля, 2012

От первой части ко второй,
и к третьей и к четвёртой,
когда-то бредила тобой,
теперь ты словно мёртвый.
Какой-то василиск дурной
вприпрыжку, сон трясучий,
как в поезде, но без окна,
и в День возлюбленных одна
теку по рельсам, как вода,

и задеваю сучья.

3. В мобильнике

Сказал по телефону: «Встал утром,
записал стихотворение. Вчера не знаю
сколько выпил и чего, пил всё подряд,
чай, кофе, молоко и с мокрым полотенцем
на голове рассол, остывший чай,
всё, что стояло на столе».

Слушала. Поэзия не терпит, стерпит.
Перетерпит запах перегара, смрад табака
со свалкой, нищенствования, провала.
Немолодой, больной, с мешками под глазами,
все алкоголики похожи друг на друга,
и все они как бы мои мужья.

4. Вечно временное: 11 февраля, 2017

Вся одинаковость и разность,
латинско-тюркские посылки
и Римский-Корсаков стучится
с Бородиным. Бородино
в другом ряду. Шехерезада,
столетней даты город Тихвин.
Мы никогда не расставались
ни в снах, ни в мыслях, ни в постелях,
а вот и свадьба золотая,
иль это осень золотая,
мечта когда-то золотая,
когда б с тобой мы вместе жили.

5. *Артритное*

Я понимаю про запястье.

Я понимаю про колено.

И о неласковости тлена

к голосовым пропетым связкам

я хорошенько представляю.

Представишь в будущем старенье,

когда глядишь на увяданье

самой себя и видишь осень,

и жизнь как телесериал.

Ах, вот что это значит «значит»,

летá, справленья дней рождений

всех лет и каждого. И лето,

загар, одежды опрощенье,

ночной заплыв, как будто в Лету.

Памяти Олега Вулфа: 19 ноября, 2011

Сад вздыхал глубоко,
я дышала рядом влажной землёй,
шуршали перешептываясь листья.
Иду со службы, кончился день.
Двигаюсь не спеша на вечер памяти
человека, покончившего с собой,
проглотив большое количество таблеток.
Вспоминают, как был хорош собой
и талантлив, молчат о том, как страдал.
Как и при жизни, отказывают ему в том,
что был болен и от боли
много раз пытался уйти и ушёл.
Я постою с садом,
сад постоит со мной.

«В поезде напротив меня...»

В поезде напротив меня
довольно потрёпанная молодая дама
с гривой, крашеной хной,
забранной в балетную кичку,
возможно, в прошлом балерина.
Раскрывает большую сумку,
вынимает косметичку, поднимает бровь
и очень медленно подбеливает веко.
Задумываюсь про «веко». Век.
Неловко смотреть на неё и неудобно пересесть.
Красит губы морковно-кирпичным матовым гримом.
Белая комнатная кожа, не бывает на улице.
Достаёт машинку для загиба ресниц и долго держит,
начинаю бояться, что может повредить глаз,
если поезд толкнёт. Достаёт салфетку и вазелин,
чистит и полирует ногти, очень тщательно подпиливает.
Всё это делает показательно, но заторможенно.
Наконец соображаю, она на лекарствах.
Сначала думала, она едет устраиваться на службу
и наводит красоту. Понимаю, что нездорова,
производит что-то интимное на публике.
Может быть, возвращается из психбольницы домой,
где её вряд ли хотят обратно. С такими работаю.
Закрываю книжку, мне выходить.
Она резко говорит, уставившись на меня и вызывающе,

что видела во сне свою мать в гробу с книжкой.
Это она про меня, нападает. Молчу и думаю,
что может быть лучше, в гробу и с книжкой,
особенно если рядом термос с чаем.

2011

Памяти Евгения Львовича Мороза

Полчаса в поезде три дня в неделю
смотрю в окно на пейзаж Бодрийера,
читаю книжку, письма Целана,
и не прислоняюсь – свежеекрашено

твоей смертью. Тебя отправили в лагерь,
где не бывает весен-песен, куда наши смешные слова
ветер не донесит. Ящик писем с речью семидесятых
на берег вынесет, но не их убудочная пена у рта.

Мы-то нищие разбогатевали духом
на недобитом фарфоре, оставшемся после мамы
пустым декором, без функции пищи.

Ты исторический случай
дикции родственной, малопонятной чужим.

Неостепенённый шлимазл академический,
скитавшийся без карьеры с тумканьем в светлой башке
источников и истоков, подозревавший, что рок
или злой гений мог быть задуман иначе.

Помнишь, мы смешивали волосы,
они были неразличимы. На прощанье
пили водку из глубоких тарелок, стаканы упаковав.
Ничего умнее смерти они не придумали в жизни.

Сделай что-нибудь глупое, развяжи на ботинках шнурки.

2011

Батальные сцены: 2 ноября 2012

Это лошади и люди, это женщины и кони,
волки, ослики, собаки, кутерьма и блеск металла,
это Соня и Наташа в жизни нашей и война.
Это Анна, Долли, Китти, грецкий нос без переносиц,
и колена преклонила, бюст без бюста и тритон.
И Бернины и Пуччини жаждут жизни на мосту
пред Сант-Анджело – тюрьмою, это ангельская тема
и барокко и сирокко, зеркала и терракота с отпечатками
тогда (не для паспортных столов) пальцев скульптора.
И кто-то, кто-то некий Никодим, кто поддерживает тело
то ли снятое с креста, то ли просто помутнело,
потемнело чисто поле, стало млосно, так бывает.
Надо всё перечитать и запомнить, чтобы помнить.
Казеин на мешковине, академия Святого,
как мне помнится, Луки припозднилась на полвека,
так бывает только с центром, со столичным разгуляем,
раз – декорум, два – со шпагой резкий выпад в темноте,
только свечи прожигаем, только факелы палим.
Сварщик искры мечет в темень, освещает полнолуние
синеблузник Мейерхольд. Если айсберги растают,
этот город тоже смоем, станет Китеж,
слышишь, милый, из далёка твоего...

Новая мастерская: 3 сентября, 2013

1.

Прошлым летом после двадцати трёх лет в Челси мы перевезли мастерскую в Бруклин, в Ист-Вильямсбург, выбросив две трети нажитого имущества и попрощавшись с двором и садом, который я растила, поливала, и со всеми бывшими там тусовками. Теперь ездим

в мастерскую в район с закрывшимися еврейскими бизнесами,

с домами, сплошь расписанными граффити.

Там шатается юное население с расплывчатыми улыбками

и непроснувшимися лицами, в татуировках с головы до ног,

в замедленном действии, отходя после травы.

Мы ходим обедать в старую забегаловку на авеню Бушвик,

её держит семья из Ливана. Работают с утра до ночи и уже наняли беженцев-колумбийцев, легальных

с документами

или нет, не моё дело. Каждый раз, когда подхожу к кассе расплачиваться, спрашивая, сколько с меня, хозяин смеётся:

«С вас, мадам, только миллион долларов». Что ещё или что нового можем мы сказать друг другу в этой стране? Ем питу с хумусом, читая старые стикерсы

шестидесятых годов на стене. Последний раз я читала, и это был не Ганди, не он.

«Когда Сила Любви победит Любовь к Силе, тогда в мире наступит мир». Это Джимми Хендрикс, дети мои.

2. 20 октября, 2013

Мы выходим из метро с линии L на Гранд-стрит, и он говорит: «Смотри, облака написал Магритт». Останавливаемся на углу рассмотреть небо, и он говорит: «Пошли отсюда, этот магазин смердит». Пробую урезонить: «Рыбные магазины пахнут рыбой». «О'кей, – ускоряет шаг, – не знаю, почему он меня не трогает, неплохой художник, но слишком уж умствовал со своим „Это не трубка“». «Его мать, – отвечаю, – утонула, покончила с собой, может быть, ты из-за этого подумал о нём, имею в виду запах рыбного магазина». – «Дикая ассоциация, – отвечает, – ты всё представляешь через опыт травмы». Защищаюсь: «Конечно. Смотри, какие весёленькие названия твоих работ – Атомный гриб, Ядерный антрацит, Метеоритный взрыв». – «Видишь, — смеётся, – я об этом и твержу, мы не столь уж

неподходящая друг к другу пара».

Автоперевод

«Мои стихи такие-то и такие...»

Мои стихи такие-то и такие,
теория разберётся, рифмы в уме
скажут, который час сейчас,
не вчера вечером. Вот бассейн, вот столб,
Пётр и Павел, и Пауль Целан
несётся, как угорелый, с цветами
из сада матери, не с её могилы.
– Я не понимаю, не понимаю времени.
«Глазные стёкла от солнца» —
говорит, имея в виду солнечные очки.
Нормальная лингвистическая ошибка
иностранца, несколько в паранойе.
Сомневается, о чём это, кто кого видит,
обозревает, следует за, потому что
невозможно следовать впереди,
и продолжает идти рядом.
Задал вопрос, который час,
какое по-английски время.
Время купить новые кеды.

Автoperевод

Судный день (Yom Kippur): 13 сентября, 2013

Сыну

Сядь, давай я тебе почитаю книжку,
сказку о Золотой рыбке или о Золотом петушке.
Бедные и богатые любят золото, это было мне неизвестно,
когда я жила на родине. Незнание – сила продолжалось
лет десять примерно. Любила книжки, пластинки,
лишние бесполезные вещи, это средство лечить
одиночество, заполнять потери. Детям трудна эмиграция.
Некому было тебе читать по-английски *The Mother Goose*,
Vinnie the Pooh. Никто не умел. Обещав тебе
путешествие в масштабе эпических героев
в интерпретации модернизма – кем я была? безумной?
Какое-то время, положим, было похоже на путешествие,
семейный эпос обернулся гомерическим смехом,
громким, гневным, искажённым гротеском испуганных
лиц,
дрожащих губ не в состоянии вести разговор о том,
что случилось. Так много всего случилось. Я знаю,
что случается, когда одинокая девочка становится
матерью.
У неё появляется компаньон, она заботится о нём
изо всех сил и как можно лучше. Была ли та забота для

тебя

уж слишком или недостаточной, как жилось тебе
в двух мирах, в двух климатических зонах,
эмоционального холода и жары? Любовь требует денег,
даже любовь, даже смерть, тебе известно
это открытие. От чего нелегко исцелить, исцелиться.
Суматоха отъезда не оставила времени
попрощаться с городом, ни времени, ни желания.
Сделаем это сейчас. Жизнь это сейчас, ты знаешь.
Это сейчас.

Автoperевод

«Мой дед похоронен в Джанкое...»

Мой дед похоронен в Джанкое.

Вот думаю, джан армянский бежал от турков и «кое» какое-то кое такое и что-то там ещё, как в куплетах французских. Мой дед развёл виноградник, в глаза винограда не видел, когда покидал местечко. Дом отобрали с садом и пароходик, стали «семья лишенцев». Дед не ревет, не стогнет, надо от них убраться, от Днепров, от штыков, и лучше на юг, теплее, может, хотел и дальше через море, кто знает. Дед Тёмкин Арон молчит, он тебе не расскажет. Шестеро его детей арбайтен, поют на идиш в винограднике том библейском, это их Палестина. Всем выводком собрались со Славой, бабушкина сестра-близнячка, перед её отъездом в Америку Кафки сделать семейное фото. Только, прошу тебя, не философствуй. Когда выселяли, отцу моему двенадцать, на фотографии ему семнадцать, всю жизнь разбирался в дынях, бахча, мандарины, стоял на фруктах, всё, что осталось от Крыма. Раскулачили деда, забрали лошадь, была водовозом, опять разоряют, прямо во время обыска на их глазах и умер, кому нужна такая жизнь? Оставшиеся оттуда быстро уехали. Зятя полегли за отчизну, внуки рассеялись, евреям всегда везёт. Их дети,

правнуки той могилы, о ней не ведают,
заговорили на разных наречиях, друг друга
на улице не узнают и могут вполне оказаться
на разных фронтах враждующих армий,
как в Первую мировую. Теперь, говорят,
татары закрыли лавочки, и еда исчезла.
Моя подружка детства Таля живёт в Хельсинки,
татарка, составляет часть русского меньшинства.
Этнос я лучше политики понимаю, когда не за кого
голосовать.

Август, 2014

Из отступившего тысячелетия

Перерыв

Встаёт, разгибает спину,
смотрит в окно на голубей внизу на крыше,
вспоминает, что нужно сыну
купить то-то и то.
Надевает платок, пальто,
проверяет, на что горазд кошелёк,
есть ли в кармане ключ. Запирает квартиру.
Четыре коротких пролёта,
стеклянная дверь, не приобретшая вид парадной.
Воздух. Улица. Переход.
В овощной лавке мимоходом корейцу: «Хелло», —
проверяет дату на картонке с молоком,
берёт коробочку помидор и укроп к салату.
За газетой в соседний киоск,
после приветствий иранец с фаюмским лицом
говорит, что не потеплело.
«Да, становится холодней. Декабрь», —
забирает сдачу.
Мимо цветочного магазина,
поздоровавшись с израильтянкой-владелицей,
поправляющей на полке в ячейках сухие букеты.

Мимо исплаканного лица Варшавского гетто
в витрине «Ликёры—вина», не прихватить ли к обеду?
– ни к чему; про себя подумавши: «Винокурня».

Мимо запаха пиццерии на углу,
в её открытом окне торчит итальянец,
опираясь на по локоть голые руки,
словно он нарисован.

Кивнув ему, добавляет: «Холодно».

Дальше, ответив несколько раз
ослабившимся соседям,
мимо китайского ресторана на углу напротив.

Стоя на переходе,

смотрит в перспективу квартала,
где на ярком небе располагается парк,
как чугунный памятник шевелюре Людвиг ван
Бе... не опоздать бы в банк.

Теперь канцелярский товар,
здесь побудет;

кончается бумага для пишущей чужой машинки,
характер которой соответствует её хозяину,
им обоим и собственному названию «Грома-колибри».

Надо найти для него открытку,
заодно поздравить кого-то с чем-то.

Ветерок. Газета.

Вспоминает, есть ли хлеб-
соль, что в холодильнике, каковы запасы,
надо когда-нибудь постирать,
когда было метено в последний раз?

Взгляд, зацепившись за итальянца,

живую витрину, снова на парк,
потом под ноги на каких-то сорок-ворон,
что облюбовали клён, живущий у самых окон.
Хочет дышать – гулять – бродить,
но мёрзнут руки, полны покупок.
«Как это можно забыть перчатки в такую
погоду?» – близкий голос матери, которой больше
нет. Не сразу справляется с замком,
входит в дом.

Нью-Йорк, 1987

Отрывок из неопубликованной книги

Одним из способов определения хорошей жизни является то, как мы проводим отпуск.

Поездки в места паломничества туристического, будь то Кизи или Валаам, где лежат заморённые инвалиды войны. Мексика с остатками архитектуры ацтеков-детоубийц. Пусть археолог с антропологом к такой информации привыкает, это их предмет изучения,

а я не обязана. Или Колизей с эхом рыка звериного погибавших людей и животных. Смотришь на развалины: – Если такое с камнями случилось, что-то с нами будет...

Или на могиле Эмили Дикинсон.

Расстояние от дома, где жила почти безвыездно, показываясь на люди редко, до кладбища, где похоронена, метров двести. Экскурсоводша сказала, чтоб повернули у бензоколонки, – и сразу увидим. То есть, от кровати, на которой засыпала напротив фотографии отца с усами, до места, где спят вечно, пять минут хода.

Делит тот мир, как и этот, с прежней компанией: мама, папа, сестра Лавиния. Локализация опыта. Присутствие жизни внутри холстинного платья в маленьком женском теле, и рядом совсем – могила.

Интимность комнаты, безвыходность,
экономия на свечных огарках, писание текстов
на конфетных обёртках, чтоб не просить у отца
на бумагу – это ей неловко, незамужней, старой деве.

Почему нас тянет на места захоронений
исторических лиц и собственных предков —
стоишь и смотришь на вздутые жилы корней деревьев,
выросших у ограды и ей, возможно, знакомых,
как на памятник самый желанный – природы, свободы,
слушая слова спутника: там, где они пьют
земную влагу, корни переплетаются с её костями.

1990

Документальное

*Письмо переводчицы с русского на хорватский её русской подруге, живущей в Загребе, пересланное мне в копии с припиской, что война окончилась
Сначала дата: 11.11.1991, по окончании воздушной тревоги.*

Дорогая Маша,
сегодня, после недели, проведённой в подвале,
я наконец вышла на свет и почувствовала себя
частью европейской суши. Я даже взяла велосипед
и отправилась в ад Белая и Белаицких полей,
которые в последнее время постоянно упоминаются
в средствах массовой информации. Вид, конечно,
ужасный:
дома без крыш и стен, сожжённые сеновалы,
израненные домашние животные, множество помятых
и побитых автомобилей, дороги, изрытые гусеницами
танков
и ракетами, зловещая тишина. Но падение страшных
казарм в Логориште – весть настолько радостная,
что всё плохое мгновенно забываешь. Падение казарм
было
затяжным, мучительным, густой дым валил с их
территорий
в течение многих дней, а с пятницы на субботу были

уничтожены бесчисленные подземные склады с взрывчаткой.

Взрывы были настолько сильными, что у нас на лестничной

площадке попадали горшки с цветами, а у меня полопалась

посуда. Вдали агония выглядела огромным облаком в виде

атомного гриба светло-красного цвета. Карловац и Шварча

горели жёлтым цветом. Пушки стреляли светло-голубым.

Из Логоришта выехало 20 танков. Многими из них

управляли свои люди, хорваты. Десять этих страшных машин расплзлось по окрестностным деревням

в поисках

богатых домов. Я пишу это не для того, чтобы дополнить

теле- и радиоизвестия, а чтобы обратить внимание на

характер войны в Хорватии: дело в том, что в Хорватии

речь идёт не только об агрессии сербов и югославов,

но и об общем предательстве. Процветает нажива

и военная спекуляция. Любой более или менее зажиточный

человек может стать целью убийственного оружия.

Люди из различных кризисных штабов занимаются

перепродажей десятков тонн разнообразного оружия,

от пистолетов до миномётов – за бешеные деньги.

Эта война, наверное, не захватит Загреб,

но если она приблизится к вам, имей в виду,

что любой патриотизм бессмысленен и самое лучшее капиталовложение – личное оружие. Половина жителей Другой Резы бежало в Германию и Словению.

В моём здании осталось 5 (пять) человек!

Условия жизни никудашные. Часто нет электричества, и нам нечем греться, а когда в перерывах между пушечными и ракетными обстрелами мы идём домой жарить яичницу, то ползём по-собачьи (чтоб нас не застрелили дежурные снайперы). Взрывы настолько сильны, что продукты вываливаются из рук, и наши кухни поэтому походят на свинарники (к счастью, иногда идёт дождь, и вода, просачиваясь сквозь трещины, смывает грязь).

В субботу после обеда, сразу по окончании рёва всевозможнейших видов артиллерийского оружия, продолжавшегося много дней подряд, я вышла в сад и набрала георгинов. Сегодня подрезала розы.

И, конечно, сразу вспомнила твою тоску по цветам.

Сообщаю тебе, что для весенней пересадки у меня есть следующие виды:

георгины (жёлтые и красные)

пионы

гиацинты (голубые)

гвоздика (белая)

маргаритки

анютины глазки

хризантемы.

Есть у меня семена и так называемых

лекарственных растений – мака, мяты, ромашки, подсолнуха, однолетних цветов (астры, ноготки) & овощных культур (бобы, соя) и т.д.

Розы можно пересаживать и сейчас, и поздней весной. Если у тебя есть веточка розы с отростками (это маленькие листики красноватого цвета) — отрежь её и посади в землю под углом 45 градусов. Веточку закрой бутылкой и следи, чтобы воздух не проникал к растению. Бутылка должна быть на веточке до середины мая. Вот рисунок.

Ну вот, это, собственно говоря, и всё. Военные анекдоты перескажу устно. Надеюсь, что нашим в скором времени удастся уничтожить полигон в Церовце и смирить войну в этих краях.

Привет всем. Ирена Лукшич.

«Скелетик дерева растёт внутри листа...»

Скелетик дерева растёт внутри листа.
Издалека нагая женщина, как огромное лицо,
смотрящее грудью – два солнца —
карими, вылезаящими из орбит сосками.
Слепо всем телом по телу солнца водит.

В тряпочку куклу завёртывая,
не поднимай головы. За спиной
обрывки бумаги, открытые солончаки.
Извёстка. Мусор мира, не убирившийся с 50-х.
Гарь. Выцветающий мох. Песчаный обрыв
с рваным краем, загибающимся, как заячья губа.
Жёлтые корни ползут, как сухие змеи.
Безъязыкий народец шишек, иголок,
хвороста, костяники. Люди смотрят
ящерицами с раздвоенными языками.

октябрь, 1993

Девять речитативов для женского голоса

1.

Нас пугали:

Не будешь есть, не вырастешь, останешься маленьким,
все будут над тобой смеяться...

не будешь слушаться, посадят в чулан, там мыши,
отгрызут тебе ноги, останешься инвалидом...

детским домом, будешь жить с беспризорниками...

милиционером, трубочистом, дворником,
пьяницей, цыганом, грабителем, чужим дядькой...

украдут тебя, и будешь на них работать,
и будешь круглым сиротой без дому – без имени,

никому ты будешь не нужен,

и будет все тебя дразнить, и будет тебе стыдно...

и будешь слабеньким, и будут все тебя бить,

а ты сдачи не сможешь дать...

испортишь глаза и будешь носить очки...

и будешь худая, кожа да кости, никто на тебя не
посмотрит...

и будешь толстая с такой мордой, и никто на тебя

не посмотрит...

попадешь под машину, и хорошо, если насмерть,

а если останешься калекой...

а если будет война, что тогда будешь делать...
а если поймают и будут пытаться, что тогда...
будешь читать нелегальщину, я же первый тебя
и выдам...
попадёшь в органы, не вырвешься...
объешься сладким, и будет диатез...
а если орехами – заворот кишок...
розги захотел, ремешок по тебе скушает...
каши берёзовой давно не пробовал...
в детскую колонию заберут, тогда – всё,
там мама не поможет...
вот я умру, что тогда будешь делать...

2.

Приезжают в город, идут в музей.
Город и сам музей, аптека – музей,
баня – музей, сарай – музей, особенно дровяной,
а если со старыми инструментами, то совсем – музей.
И тюрьма – музей, и концлагерь – музей, базар – музей,
и любая квартира – музей-квартира, и каждый дом —
музей жилища,
в его шкафах – музеи быта, утвари и одежды, технологии
производства материалов, ткачества, рукоделия,
ремесла.
Там одежда матери 50-х, брата-стиляги 60-х,
мои первые туфли на шпильках в шестнадцать лет
из комиссионного магазина. Всё, говорю вам, музей,
только выставку не устроишь. И магазин продуктов

питания, даже если в нём было когда-то пусто, он настоящий музей времени, антропологии, этнографии.

И улица, по которой ежедневно или туристом, и автобус – музей городского транспорта, и метро, и вокзал, его перестроят, вот увидишь, приедешь снова, а того вокзала, что был, уже нет, и музея-вокзала нет.

Церковь давно музей, и музей как храм, эстетика духовита, и время – невидимый музей, музей воздуха, температуры, погоды. Человек, который ничего не выбрасывал, всё выбрасывает, иначе ему не выжить. Лучше всего сохранилось, что разрушилось, как Помпеи, или не до конца

разрушилось —

Пропилеи, Колизеи, скульптуры Психей. Кладбища-музеи

почивших богов и людей. пляж-музей, лес-музей и поляна, скоро увидишь её в музее.

3.

Между тысячелетиями,
между столетиями,
между десятилетиями,
между годами, месяцами, неделями, днями,
между днями и ночами, часами и минутами,
между той жизнью и этой жизнью,
между той мной и этой мной,
между жизнью моей в целом

и разными периодами моей жизни,
между моей жизнью и моей смертью,
между моим зачатием и моим рождением,
между моим детством и моей взрослостью,
между моей взрослостью и более взрослой взрослостью,
между моей взрослостью и моей старостью,
между мной и моими близкими,
между мной и моим сыном,
между мной и моим спутником жизни,
между мной и моей занятостью,
между мной и моим отсутствием времени,
между моими появлениями и
исчезновениями из жизни,
между моими возможностями и невозможностями
написано это либретто.

1993

4.

Мои тучные годы.

Мои тощие годы.

Мои библейские годы.

Мои талмудические годы.

Мои детские годы.

Моя сложная жизнь девочки без отца.

Моя простая жизнь дочери матери-одиночки.

Моя жизнь школьницы.

Моя жизнь студентки, несколько раз.

Моя жизнь поэта.

часовой сбой или самый простой пьяный запой.
Клад-то в лесу зарой и не забудь, где зарыл,
нескоро вернёшься вспять плёнку перемотать и искать,
сам в темноте постой на недолгий постой.
Не утешит мысль, ни любовь, осталось одно,
принять свою жизнь, прими, прими.
Это в строчку подряд или в столбик пропой
голосом сонно-домашне-кухонным, и приснится покой,
то ли императрицын покой,
то ли в пейзаже левитановский вечный покой,
то ли кладбищенский понятно какой.

*Написано во время передачи радио на русском языке в
Нью-Йорке о значении слова «порча», 2012*

6. Заплатка

Ой, меня ль, маленькую, не мучили.
Ой, меня ль, девочку, не скручивали, не пеленали.
Ой, меня ли, меня ли не застёгивали на все пуговицы,
на кнопки, крючки, лифчики и подвязки, шарфы
и шапки,
шубы затягивали ремешком, завязывали платки
крест-накрест на спине, что было не пошевелиться.
Ой, меня ли, меня ли в детстве не муштровали строго,
воспитывали, прививали манеры, учили ничего не
просить,
ничего не желать, не занимать место в пространстве,
не корчить рожи, не гримасничать, иметь приятное
выражение

лица, соблюдать приличия, не морщиться, думать гладко, двигаться грациозно, покачивая бёдрами, быть спортивной.

Ой, не меня ль, не меня ли учили бальным танцам, балету,

не пачкать руки, особенно когда ешь, одеваться со вкусом,

волосы не отращивать слишком длинно, как у хиппи,

не стричь слишком коротко, ты не мальчик,

мини-юбку укорачивать не слишком коротко,

и если длинную, то не совсем до пят, ты ж не синий чулок,

и вырез не слишком низкий, и голос не слишком громкий.

Ой, не меня ли учили не жаловаться, не говорить,

что это несправедливо, что это просто неправда,

не обращать внимания на насильников, на садистов,

на психов, на деспотов и убийц, не идти в милицию,

всё равно правды не добьёшься, не обращать

внимания – и всё,

как будто их нет или они тебе приснились, это твоя фантазия,

богатое воображение, галлюцинации, шизия,

ты всё придумываешь или врёшь. Ой, не мне ли,

не мне ли наказывали не простужаться, не сидеть

на сквозняке,

не болеть, не создавать проблем, избегать конфликтов,

не конфронтировать с начальством, ни с кем бы то ни было

вообще, не вставать в позу, в оппозицию к власти,

быть практичной, дипломатичной, твёрдо стоять
на своих ногах, быть реалистом, не мечтать
о несбыточном,
учиться на инженера, мама же говорила, «чтобы стихи
писать,
надо талант иметь». Ой, не мне ли, не мне ль говорили,
что мальчики способнее к математике, на сто мальчиков
одна девочка, мальчики вообще ко всему способнее,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.